

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор Федерального
государственного бюджетного
учреждения науки

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

д. филос. н. профессор

В.В. Целищев

« 1 » декабря 2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации — Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук — на
диссертацию Гончаренко Марка Васильевича «Современные принципы интерпретации
факта (рациональная/иррациональная обусловленность формирования дискурса)»,
представленной на соискание учёной степени доктора философских наук по
специальности 09.00.01 — онтология и теория познания.

Диссертационное исследование Марка Васильевича Гончаренко посвящено классической проблематике философии науки — понятию факта как специфическому теоретико-лингвистическому конструкту и способу его функционирования в научном дискурсе. Интерпретация содержательных и формальных аспектов понятие факта имеет долгую и конфликтную историю философской полемики. В XX веке эта полемика приобрела наиболее драматичный характер. Первоначальный эмпирицистский радикализм аналитической философии и феноменологии был существенно смягчен результатами постпозитивистского анализа логико-методологических и эпистемических структур теоретического знания. Более того, эти результаты, в основе которых лежит тезис о неустранимой теоретической нагруженности факта инспирировали появление скрытых и даже явных форм идеалистических неометафизических концепций. Первоначальный заряд весьма сходных идей аналитической философии и, в особенности, феноменологии оказал огромное влияние на появление множества теоретико-познавательных концепций в гуманитарном знании и в философских дисциплинах, рефлексирующих над гуманитарными науками. Имело место размывание как первоначальной проблематики философии науки, так и формальных выразительных

средств, с помощью которого осмыслялось теоретическое знание. Однако, нельзя сказать, что указанная проблематика перестала быть актуальной и перестала будоражить умы ученых и философов по той простой причине, что она носит наиболее фундаментальный характер для обоснования возможности продуктивной научной деятельности. В самом общем виде обсуждение проблематики того, как связан факт с языком, с терминами наблюдения и терминами теоретическими, с синтаксическими и семантическими структурами, с дотеретическими формами знания и с праксисом продолжается до сих пор. Автор предпринимает амбициозную попытку анализа принципов и механизмов конституирования факта в его зависимости от языка, априорных структур, практических установок и пр. Работа носит масштабный характер, поскольку, фактически Гончаренко М.В. старается в рамках одной работы проследить содержательные отношения и соотнести самые разнообразные философские концепции, в которых хоть что-то сказано о фактах в явном виде. Эта задача является исключительно сложной вследствие как разницы языков этих концепций, так и изначальных предметных областей, из которых эта проблематика выросла. Однако, наличие общих историко-философских корней этой проблематики как в древности, так и в XX веке дает основания заниматься этой задачей.

Автор формулирует свои цели следующим образом (с. 12-13): «Во-первых, на основании историко-философского исследования эксплицировать возможные средства и способы конституирования факта как результата определённого типа дискурса, и на основании исторической ретроспекции определить причины, обусловившие цикличность смещения смыслов факта. Во-вторых, определить принципы обоснования корреляции онтологии дискурса и концептуального каркаса на основании репрезентации концептуальным каркасом определённых концептов в конкретном факте». Общей темой исследования служит отношение языка и мира, включая конституирование последнего на основе первого. Работа опирается на множество концепций и подходов, включая феноменологический, герменевтический, позитивистский, постпозитивистский и пр.

Диссертация состоит из введения, трёх разделов и заключения.

Во введении автор вводит основную проблемную оппозицию работы в форме противоположных логико-методологических подходов: полная независимость факта от теории против полной обусловленности фактов теориями. Между этими сильными подходами существует ряд слабых промежуточных, что делает актуальной проблему исследования конкретных принципов и механизмов взаимодействия факта и теории на основе анализа языка концептуальных каркасов. Именно эту проблему автор ставит в центр предлагаемого исследования. Во введении автором даётся обзор существующих подходов и намечается план исследования.

Первый раздел посвящён понятию факта и модели. Автор исследует их историю и современные подходы. Рассматриваются взгляды номинализма и реализма, Оккама, Поппера, Апеля, Лиотара и др. При этом при анализе полемики номинализма и реализма автор по какой-то причине не упоминает концептуализм как ещё одно решение проблемы универсалий. Между тем, есть основания полагать, что для целей работы именно концептуализм больше подходит для анализа разрыва между понятиями и реальностью. В разделе описаны различные факторы, ставящие под вопрос первичность факта по отношению к языку, такие как отличие понимания от объяснения, зависимость познания от субъекта, зависимость факта от языковой игры, роль априорных структур и т.д.

На странице 104 дано описание факта как «репрезентации того или иного положения дел», а также роли интерсубъективности и темпоральности в его конституировании. Автор представляет факт как «синкретическую модель», объединяющую рациональные и иррациональные компоненты, и связывает это с включением в неё субъекта познания.

Второй раздел описывает факт как феноменологический объект. В нём рассмотрены понятия «прафеномена» Витгенштейна, «единой теоретической системы» Маха с точки зрения анархистской теории познания Фейерабенда, а также контекстуальность факта. Рассмотрев конституирование факта дискурсом и субъектом, автор приходит к выводам о зависимости научной, религиозной и мифологической картины реальности от базовой структуры «знание–вера». Миф рассматривается автором с точки зрения философии символических форм Кассирера, показана связь объективности с нормативностью и абстрагированием. Рассматривая понятие вывода у Фейерабенда и Витгенштейна, автор также выдвигает предположение о том, что «законы вывода действуют до того времени, пока нас устраивают результаты, к которым мы приходим вследствие их применения». Автор подчёркивает роль конвенции в конституировании факта.

Отдельное внимание автор уделяет проблеме легитимации знания, как она представлена в аналитической и постмодернистской философии. В этой связи он рассматривает зависимость от традиции, феномен контекстуальности, а также вопрос о возможности фальсификации базовых положений теорий. Автор критикует позитивистский и неопозитивистский подходы за их признание возможности абсолютного знания. Автор вновь подчёркивает роль нормативности в конституировании и интерпретации факта.

Третий раздел посвящён проблеме рациональности/иррациональности при конституировании факта. В нём на странице 244 «предпринята попытка реконструкции концептуального каркаса знания». На основе анализа феноменологической теории значения, концепции исследовательских программ Лакатоса и других рассмотрены

процессы трансформации концептуальных каркасов, появления новых концептов, зависимость фактов от пресуппозиций и пр.

Закключение подводит итоги исследования.

К несомненным достоинствам работы следует отнести ее масштабность. Как было указано выше, предметом анализа соискателя является огромное количество самых разнообразных философских концепций. Способность ориентироваться в этих концепциях, владея фактическим материалом, является аргументом в пользу полноты данной работы. Иными словами, историко-философское содержание диссертации оставляет приятное впечатление, автором демонстрируются множественные генетические связи между различными теоретическими конструктами. Соискатель формулирует методологию не вырожденным формальным образом, а поясняет значение каждого метода, что он позволяет показать и продемонстрировать для достижения целей исследования.

Автор утверждает, что интерпретационная вариативность факта определена тем, что с точки зрения субъекта познания реальность является не семантической, а онтологической проблемой. Возможно, это утверждение звучит банально для философов науки, занимающихся осмыслением естественных наук, но когда такой вывод делается исходя из осмысления философских и квази-философских концепций, инспирированных гуманитарными областями, к сожалению, тяготеющими к переоценке роли языка, дотеоретических и откровенно мифологических форм сознания, чистых концептуальных каркасов и даже иррационализма в познании, это много стоит.

Можно сделать вывод, что работа представляет собой самостоятельное исследование на актуальную тему. К её достоинствам относится опора на синтез большого числа концепций, традиционно не рассматриваемых совместно. Автор ставит своей целью выделение общих структур и подходов в аналитической философии, позитивизме и неопозитивизме, феноменологии, постмодернизме и т.д. и, насколько это в принципе возможно, справляется с поставленной задачей.

Обратим внимание на недостатки работы. К сожалению, автор не даёт определения основному понятию работы — конституированию факта или интерпретации факта — но из текста можно понять, что речь пойдёт о выстраивании образов или моделей реальности в рамках различных «форм жизни», таких как наука, религия, миф и пр.

При этом автор вводит термин «онтология дискурса», смысл которого остаётся неясным. Остаётся также неясным, в каком смысле эта онтология, наряду с «онтологией субъекта», также не определяемой, «конституируют познавательный процесс» (26).

Одними из главных понятий работы являются понятия рационального и иррационального. В то же время, эти понятия требуют существенной конкретизации. Автор постоянно говорит об иррациональности рационализма, вскрывая в последнем иррациональные аспекты. При этом даже декартовское *cogito* оказывается иррациональным (С. 109). В то же время, в современной философии и социологии различается множество видов рациональности (инструментальная, ценностная, аффективная, процедурная, коммуникативная и т.д.). Существует также кантовское различие рассудка и разума, аристотелевский фронесис и т.д. По-видимому, автор понимает под рациональностью (хотя не формулирует этого явно, но см., например, с. 109-110) нечто, связанное с аксиоматическими дедуктивными системами. Это, однако, слишком простое понимание, недостаточное для рассматриваемых автором тем. Например, понимание границы теоретического и мифологического (С.139), а также знания и веры (С.129) как границы рационального и иррационального выглядит существенным упрощением (вообще, различие рационального и иррационального на С. 109-110 принадлежит, скорее, 18—началу 19 века). В результате, как кажется, во многих примерах автора речь идёт не об «иррациональности рационального», а об ином типе рациональности. Например, о возможности рационально принять теорию, которая работает, даже если она не соответствует идеалу абсолютного знания, и, скорее, нерационально отвергать такую теорию или квалифицировать такое принятие как иррациональное. То же касается рассмотрения априорного, которое автор обычно описывает как иррациональное. В любом случае, конкретизация понятий способствовала бы здесь большей ясности.

Другой существенный недостаток работы связан с её достоинством. Автор опирается на анализ широкого спектра концепций от позитивизма до постмодернизма, свободно переходя от одной концепции к другой. Однако, уместность такого перехода совсем не всегда очевидна. Общность терминологии часто обманчива, а заимствование позиций или цитат из разнородных источников спорно. Например, на странице 70 после долгого обсуждения соотнесения априорных конструкций с миром автор говорит о конвенциональности этого соотнесения и цитирует Эко: «Надо избавиться от вредной привычки путать означаемое с референтом». Эта цитата относится к структуралистской концепции языка и «означаемое» здесь обозначает понятие, а «референт» — вещь. Какое отношение имеет эта цитата к предыдущему содержанию неясно и требует пояснения. В

любом случае, установление этого отношения требует тщательного сопоставления трансцендентализма Апеля и структурализма У. Эко, что само является отдельной проблемой. Такое сопоставление было бы чрезвычайно интересным, но автор, к сожалению, его не проводит.

Автор недостаточно строго обходится с цитированием и работой с источниками. Хотя в библиографии есть тексты на итальянском, в самой диссертации ссылки почти исключительно на русские переводы. Это было бы допустимо, если бы автор не ссылался на сомнительные источники, такие как detectivebooks.ru или textfighter.ru, соответствие которых академическим стандартам требует отдельного подтверждения. Небрежность в работе с источниками приводит к ошибкам и неясностям. Например, на странице 203 автор приводит цитату из «Трактата» Витгенштейна: «Тавтология и противоречие бессмысленны. Но тавтология и противоречие не бессмысленны». Эту фразу трудно понять, если не знать, что слово «бессмысленный» здесь является переводом разных слов Витгенштейна: *sinnlos* и *unsinnig*. Следует отметить, что в переводе Козловой, на который ссылается автор, перевод вполне корректен. То же касается фразы на странице 171: «бессмысленность, по Л. Витгенштейну, — это не отсутствие смысла (данные предложения обладают содержанием), потому что бессмысленность, как таковая, предполагает именно отсутствие смысла». Здесь смысл текст становится крайне трудным для понимания.

Невнимание к источникам зачастую приводит к искажениям мысли анализируемых авторов. Например, на странице 191 автор обсуждает тезис Витгенштейна о том, что математик не делает выводов и цитирует: «И даже если бы он сделал вывод, [...] это уже было бы выходом за пределы простой игры». Автор заключает отсюда, что вывод означал бы переход к некой сложной игре, к «совершенно другой игре» и даже мета-игре (С. 192). Витгенштейн, однако, не говорит здесь ни о какой сложной игре, как, впрочем, и о простой. В оригинале стоит *dem bloßen Spiel*, то есть «просто (или только) игры» (в английском переводе: *the mere game*). Говоря о «сложной игре», автор порождает не существующие в оригинале концепции.

Не всегда ясно, как автор делает выводы. Например, на с. 224 он приводит цитату из Аристотеля: «...доказательство должно даваться исходя из чего-то для обоснования чего-то. Таким образом, выходит, что все, что доказывается, должно принадлежать к одному роду, ибо все доказывающие науки одинаково пользуются аксиомами». Автор делает вывод: «Природа аксиомы, по Аристотелю, делает возможным сведение всего, в том числе и обстоятельств внутреннего опыта, к «одному роду»...». Но Аристотель не говорит обо всём, а лишь обо всём, что доказывается. Основания вывода автора остаются

неясными. Из этой же цитаты автор заключает, что, согласно Аристотелю, аксиома «не может иметь внешних обоснований» (С. 224). Неясно, как этот вывод получен, тем более, что он спорен по отношению к Аристотелю вообще, который развивал, например, теорию индукции.

После слов Э. Гуссерля: «Объект есть единство сознания, которое может выявиться в повторных актах (следовательно, во временной последовательности) как то же самое [единство], [как нечто] идентичное в интенции, которое может быть идентифицировано в произвольно многих актах сознания [...]» — автор продолжает: «иными словами, объект тождественен реальности» (С. 272). Как сделан вывод об этой тождественности? Это требует пояснения.

Часто трудно понять связь отдельных фрагментов текста. Например, на странице 233 автор пишет: «Логика — атрибут/элемент деятельности, поскольку деятельность разнообразна, постольку и логика разнообразна соответственно. Данный подход к проблеме логики и, следовательно, разнообразий интеллектуальных ситуаций частично обусловлен следующим сравнением Ф. Капры по аналогии: «В теории Эйнштейна вещество не мыслится вне этого гравитационного поля, а гравитационное поле не мыслится без искривленного пространства. Таким образом, вещество и пространство воспринимаются как непрерывно связанные понятия [...] как взаимосвязанные частицы единого целого»». Без пояснений трудно понять, как связана цитата с предшествующим текстом.

Требуется пояснения характеристика потока у Гуссерля как обладающего трансцендентной природой и являющегося «презентацией ... трансцендентного синтеза» (С.102). В каком смысле можно утверждать эту трансцендентную природу, если поток у Гуссерля совпадает с сознанием и обладает свойством самоконституирования (как говорит Гуссерль, не требует второго потока для конституирования)? По отношению к чему он, в этом случае, трансцендентен?

На странице 31 автор приводит цитату из Оккама: «[...] Ведь есть противоречие в том, чтобы видение было, а ничего не было видно [...] видение есть абсолютное качество, отличное от объекта [...]» и затем продолжает: «семантика этого высказывания положительно нам указывает лишь на то, что «Значит, видел разные (вещи) видения: объект и то, что видел, — разные объекты»». Неясно, в каком смысле Оккам здесь говорит о разных объектах, в особенности, учитывая, что это противоречит пониманию им интуитивного знания. Кроме того, две части приведённой цитаты соответствуют двум сторонам оппозиции, то есть приводятся Оккамом как противоречащие друг другу; причём вторую часть Оккам отвергает. Из какой из этих частей делает вывод автор? И не

в этом ли причина того, что он увидел здесь «нонсенс» и «констатацию паранепротиворечивого дискурса»? В целом, создаётся впечатление, что автор диссертации подгоняет взгляды Оккама под свою концепцию.

Автор порой допускает спорные аргументы, такие как: «так же и принимаемое на веру, очевидно, обладает свойством всеобщности — в противном случае количество объектов веры совпало бы с количеством «верующих»» (С. 89). Непонятно, почему все не могут верить, например, в один, но не всеобщий предмет. Помимо этого здесь также смешиваются понятия всеобщности и интерсубъективности. Во многих случаях, как и в этом, очевидное для автора не очевидно для читателя.

Неясно сопоставление дискурса потока сознания с аристотелевскими понятиями актуального и потенциального (С. 213). Последние применимы к любому движению вообще, почему в качестве объекта сопоставления выбран именно поток сознания? В результате, неясно, как понимать вывод о том, что в его основании лежит «Метафизика» Аристотеля.

Спорно утверждение о том, что «аристотелизм периода Августина и периода Фомы Аквинского функционировал исключительно в теологическом дискурсе» (С.281), особенно учитывая распространённость естественно-научных трудов Аристотеля и неоднократные запреты церковью его текстов на протяжении всего 13 в., в котором жил Фома.

В целом, диссертация написана излишне усложнённым и тяжеловесным языком, который очень часто трудно понять. В результате, концепцию автора нередко приходится угадывать. Он свободно переходит от одной темы к другой, часто не поясняя, какую связь они между собой имеют, что существенно затрудняет слежение за логикой изложения. Постоянно употребляются неудачные грамматические конструкции, заставляющие перечитывать предложения. Некоторые слова, например, «аргументировать» или «репрезентировать», используются необычным образом. Другие — например, в выражениях «феномен интерсубъективности» или «феномен интенциональности» при обсуждении феноменологии (С. 98) или «феномен экзистенциала» (С. 17) — способны ввести в заблуждение. Термин «феномен» вообще употребляется автором очень свободно (например, говорится о «факте как феномене» (11)), что в контексте обсуждения феноменологии значительно затрудняет чтение.

Выбор терминов вообще не всегда удачен. Например, вряд ли в обычных контекстах оправдано употребление термина «экзистенциальность» вместо «существование», «суппозиция» вместо «предположение», «атрибут» вместо «свойство» и т.д. Что означает: «проблема ... имеет иррациональный характер» (31), «атрибутивный признак» (278),

«иррациональные категории» (112), «актуален исключительно для любого типа дискурса ...» (298)? Неясны понятие «когнитивного континуума», дискурса.

Неточности в выборе терминологии часто затрудняют чтение. Например, на с. 293 и далее автор различает понятия выявления и понимания формы, приводя в поддержку Апеля и Хайдеггера. Но как раз у Хайдеггера выявление как «овладение формой в смысле её практического использования» (295), скорее, совпадает с пониманием. Неясно тогда, как его концепция используется для проведения искомого различия. Кстати говоря, обсуждая философию Хайдеггера, автор употребляет термины вот-бытие, так-бытие и присутствие. В различных существующих переводах на русский язык они передают один и тот же хайдеггеровский термин *Dasein*. Но оправданность их употребления в одной работе требует обоснования.

Диссертация апробирована на международных и всероссийских конференциях и семинарах, её содержание изложено в публикациях в рецензируемых изданиях из списка ВАК Министерства образования и науки РФ. В целом, выводы диссертации можно признать достоверными.

Автореферат диссертации соответствует содержанию работы. Список литературы содержит 213 источников, из них 46 — на иностранных языках.

Несмотря на отмеченные недостатки, диссертация М.В. Гончаренко «Современные принципы интерпретации факта (рациональная/иррациональная обусловленность формирования дискурса)» соответствует требованиям, предъявляемым ВАК при Министерстве образования и науки РФ к докторским диссертациям согласно пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Гончаренко Марк Васильевич заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания.

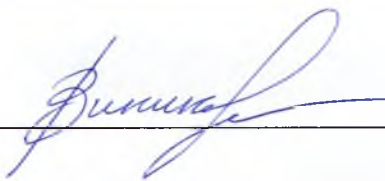
Отзыв на диссертацию составлен доктором философских наук, Винником Дмитрием Владимировичем, обсужден и утвержден на заседании сектора Философии науки ФГБУН «Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук» Протокол № 7 от 1 декабря 2015 г.

Отзыв подготовил

Винник Дмитрий Владимирович
доктор философских наук
(09.00.01 - Онтология и теория познания),
ведущий научный сотрудник

сектора Философии науки

Винник Д.В.

Сведения об организации:

Федеральное государственное бюджетное

учреждение науки Институт философии и права

Сибирского отделения Российской академии наук

Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8

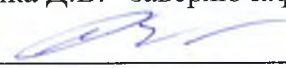
<http://www.philosophy.nsc.ru>

e-mail: director@philosophy.nsc.ru

тел. 8 (383) 330-09-75

Я, Винник Дмитрий Владимирович, даю своё согласие на включение своих персональных данных в документы, связанные с работой диссертационного Совета, и их дальнейшую обработку.

Подпись Винника Д.В. заверяю к.филос.н., ученый секретарь ИФПР СО РАН

Покасова Е.В.

1 декабря 2015 г.